

Малиновский А.А.

КОСМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ МИХАИЛА СВЕТЛОВА

Малиновский А.А. Космические образы в поэзии Михаила Светлова // Русский язык в школе. — 2009. — № 6. — С. 63-68. (в тексте интернет-публикации возможны незначительные расхождения с журнальным вариантом статьи)

Небесные тела – звезды, планеты, метеоры – издавна привлекали внимание не только ученых-астрономов, но и поэтов. Прежде всего – поэтов-романтиков, которым взгляд на небо помогал дистанцироваться от быта, от обыденной жизни. В то же время образы космоса наполнялись художественным содержанием, так или иначе отражавшим земное, человеческое бытие.

Революция 1917 г. в России и вызванные ею социальные движения во многих странах мира породили новый мощный всплеск романтической поэзии. Новая эпоха не только разделила некоторых былых соседей (а порой и родственников) на красных и белых. Она породила и явление противоположного характера – разрушение многих вековых (и, как казалось раньше, незыблемых) барьеров между людьми: сословных, имущественных, религиозных, гендерных, национальных. Почти за полвека до полета Гагарина у многих рождалось ощущение, что расстояние между космическими мирами тоже может быть вскоре преодолено. Такому ощущению способствовали не только социальные сдвиги, но и бурное развитие науки и техники.

Один из самых ярких представителей революционного романтизма в советской поэзии – Михаил Аркадьевич Светлов (наст. фамилия Шейнкман, 1903-1964). Для Светлова – еврея, выросшего на Украине, писавшего стихи на русском языке (однажды – под армянским псевдонимом) и женившегося на грузинке, проблема преодоления границ между различными мирами вовсе не была умозрительной. Революция осознавалась им прежде всего как встреча и интернациональное единение разных культур (см., например, поэму «Хлеб» и, конечно, знаменитую «Гренаду»).

Подобно многим поэтам, Светлов обращал свой взор и к звездному небу. В этом вроде бы нет ничего удивительного. Как мы помним, еще Онегину «небесные» романтические штампы его времени успели так приестся, что он в досаде называл луну «глупой». На этом, впрочем, история русского романтизма вовсе не закончилась. У Светлова же – художника новой эпохи – старые мотивы наполняются новым содержанием и обогащаются элементами разных культурных контекстов. Это сказывается даже на изменениях семантической структуры отдельных слов. Например, слово «звезда» напоминало Светлову и о безграничных просторах Вселенной, и о звезде Давида – традиционном иудейском символе, и о красной звезде на революционных знаменах.

Причем все эти смыслы возникают в его поэзии не изолированно один от другого и даже не исключительно в виде рядов соседствующих значений. Они нередко образуют новые, подчас уникальные органичные сочетания.

Герой поэмы «Хлеб» (1927) - Самуил Израилевич Либерзон, житель дореволюционного еврейского местечка, - оплакивает своих родных, погибших во время погрома (гл. 1):

И если, о господи,
На одном из небес
Ты найдешь мое счастье, -
То сжался над ним,
Вынь все лучшие звезды свои и повесь
Над заплаканным счастьем моим!..

Здесь словно сплетаются воедино представление о звездах на небе, о звезде Давида как религиозном символе и о «звезде» как судьбе, в данном случае – страшной судьбе угнетенного еврейского народа.

Когда поэт пишет («Песня», 1931) об умирающем красноармейце:

Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах

- читатель вновь задумывается: о каких звездах идет речь? О тех, что на небе (ср. в «Итальянце», 1943: «Итальянское синее небо, Застекленное в мертвых глазах...»)? Или о тех – красных - звездах, - что олицетворяли для многих борьбу за справедливость, против интервентов, черносотенцев и бывших помещиков? В приведенных строках прочитываются (и сближаются) оба значения. Тем самым революция и гражданская война как бы получают новое измерение и предстают как события вселенского масштаба. А их участники, видимо, полны неким духовным горением, внутренним светом. Заметим: у итальянца, воевавшего в завоевательских фашистских войсках, в глазах остается лишь небо, к тому же «застекленное», будто отделенное барьером даже от него самого. В глазах красноармейца – звезды, которые «потухают», то есть хранят еще следы света и, может быть, тепла (ср. псевдоним самого автора – *Светлов*, - фактически превратившийся в его новую фамилию). С помощью таких переключек и оттенков поэт передает общее и различное в облике обоих персонажей.

Смыслы слова «звезда», которые в ином контексте могли бы восприниматься как омонимические, обретают в стихотворении «Песня» (1931) неожиданную связь и даже новое единство – но уже иное по своим элементам, чем в цитированных строках из поэмы «Хлеб».

Мир социальных катаклизмов, попыток построения нового справедливого общества в высшей степени динамичен. Все вокруг приходит в движение, - даже, кажется, звезды на небе, чьи перемещения должны по законам физики измеряться тысячелетиями. Издавна, правда, существует выражение «падающие звезды», - так часто называют метеоры.

В стихотворениях Светлова небесные тела двигаются самыми неожиданными, «незаконными» способами, и это не случайно. Можно увидеть здесь знаки перемен, охвативших весь мир.

Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Эта картина в стихотворении «Рабфаковке» (1925) поражает своей безмятежностью, контрастируя с общественными бурями в человеческом мире, - как и концовка стихотворения «Звезды»(1927):

Звезды все, склонившись низко,
Мне на голову упали, -
За меня, за коммуниста,
Звезды все голосовали.

Здесь – явная переключка со стихотворением одного из ближайших друзей Светлова, революционного поэта Александра Ясного – «Когда звезды на митинг мчатся...» (1923). В произведениях обоих поэтов звезды ведут себя как одушевленные существа, участвующие в социальной борьбе людей. Просвечивает здесь неожиданно и некое архаическое восприятие небесных тел как полумифологических персонажей (к чему мы еще вернемся).

В стихотворении «Я в жизни ни разу не был в таверне...» (1926) Светлов мечтает о том,
Чтоб по небу звезды бродили на ощупь

И в темноте на луну натыкались...

«Снова бродит луна» - так начинается поэма «Хлеб». От событий предреволюционных поэма переходит к сражениям гражданской войны (гл. 3):

И гудит снаряд отдаленный,
Словно падающая луна
С утомленного небосклона...

А вот как в этой же поэме описывается ночь:

Тишина
От земли до звезды,
От Меркурия
До Могилева...

Меркурий – едва ли не единственная планета, название которой встречается (и, как увидим, не однажды) в светловских стихах. Это тоже обращает на себя внимание. Марс и Венера гораздо более доступны для взгляда земного наблюдателя, и именно эти две планеты рассматривались (в первой половине XX века!) как потенциально обитаемые или даже цивилизованные. Наконец, они гораздо крупнее Меркурия по размерам. Но как неординарны все светловские герои – творцы новой жизни, – так необычен и выбор планеты, с которой они каким-то таинственным образом (не астрологически, разумеется) соотносят свою судьбу.

Я сказал ему: - Меркурий

Называется звезда.

Это – из ночного разговора двух красноармейцев («В разведке», 1927).

И спросил он:

- А по-русски

Как Меркурия зовут?

Эта реплика кажется наивной до полной комичности. Солдат спрашивает о планете как о живой («Как...зовут?») и к тому же думает, что у нее должно быть какое-то имя по-русски. Между тем человеку, знакомому с античной мифологией, вопрос может представляться вовсе не таким нелепым. Планета Меркурий была названа *по имени* бога из древнеримских мифов, имевшего (по своей божественной «специализации») аналоги в религиозных картинах мира других народов. Солдат – вчерашний крестьянин – во многом не чужд еще мифологического мышления (в чем-то, наверное, даже скорее языческого, чем христианского). И он совершенно естественным образом переходит на язык мифа, – знания об античности для этого ему не нужны. Все это, по-видимому, очень тонко замечено и выражено Светловым. Поэт вновь применяет здесь свой характерный прием, «наводя мосты» между давно «разошедшимися в стороны» значениями, в данном случае – значениями имени собственного *Меркурий*.

Он сурово ждал ответа;

И ушла за облака

Иностранная планета,

Испугавшись мужика.

«Иностранная планета» – неожиданное словосочетание, заставляющее, может быть, вспомнить язык некоторых произведений Платонова. Интересно, однако, что *иностранным* (вернее, заимствованным) оказывается не только имя *Меркурий*, но и впервые употребленное в этом тексте слово *планета* (до этого Меркурий был называем звездой). Чей же голос звучит в этом четверостишии? *Мужик* не назвал бы, наверное,

Меркурий *планетой*, а его собеседник-интеллигент не назвал бы планету *иностранной*... Скорее всего, здесь мы слышим голос мудрого автора, способного понять и прочувствовать совсем разные человеческие восприятия...

Едва ли не у самой планеты и «ждал ответа» красноармеец. Кажется, что она и начинает вести себя, как живая, причем построение предложения незаметно и плавно приближает нас к такому взгляду. *Уйти за облака* – выражение, применяемое к небесным телам (чаще, правда, к Солнцу и Луне и едва ли еще когда-нибудь – к Меркурию!) и обычно не подразумевающее буквального понимания, – по крайней мере, в современном, сугубо рациональном и демифологизированном мире. Но последующее указание на то, что планета испугалась (то есть не только совершила движение, но и проявила чувства), отбрасывает своего рода «тень» на предыдущие строки, заставляя заподозрить в них буквальное значение (речь, видимо, идет именно о крестьянском восприятии).

Оба героя стихотворения «В разведке» попадают под обстрел. Крестьянин, спрашивавший раньше об имени планеты, отвергает предложение своего образованного товарища о бегстве:

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле...

Оба товарища героически гибнут. С новым поворотом смысла Меркурий как будто становится еще более далеким для обоих:

И Меркурий плыл над нами –
Иностранная звезда.

Все же этот финал стихотворения словно побуждает вновь взглянуть вверх. И вспомнить о том, что где-то там, далеко, есть «иностранная звезда», неподвластная человеческим законам и человеческой грубой силе. Такая устремленность вверх еще более ясно прослеживается в строках о гибели героя «Гренады» (1926):

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.

(Сходный мотив можно усмотреть и в финале «Песни о матросе Железняке», написанной в 1936 г. другом Светлова Михаилом Голодным.)

Герои «Гренады» и многих других произведений Светлова появляются перед читателями только верхом на конях, скачущими. Таким образом, они как будто постоянно находятся между землей и небом – в состоянии, чем-то напоминающем полет. Порой проводится параллель между судьбами человека и птицы («Песня о тульском голубе», 1936). Другие стихотворения посвящены летчикам («Песня о трех товарищах», 1937; «Песня летчицы», 1938). Мотив полета неизменно связывается с духовной интенсивностью жизни героев и героинь Светлова.

Я живу, потому что я создан

Для людей, для земли, для небес. («Голоса», 1961)

В этом поэтическом утверждении люди названы в составе своеобразной триады мироздания – наряду с землей и небесами, - возможно, именно люди создают связь между ними.

Приведенные выше цитаты и заглавия уже позволяют заметить: в произведениях Михаила Светлова все постоянно поют. У многих персонажей его стихотворений и пьес – свои собственные, личные песни, в каждой из которых словно сконцентрирована идеальная суть судьбы поющего. А ведь звук пения может свободно разноситься по воздушным просторам – опять-таки между землей и небом:

До сих пор отдаленный напев

Поднимается к небу

И падает, осиротев («Вступление к повести», 1929)

Новой песне пора в полет («Песня о трех товарищах»)

Пение – один из способов преодоления пространств. Оно не только выражает индивидуальность поющего, но и обращено к слушающему. Разноголосица в светловских текстах вовсе не хаотична, она становится частью гигантского полилога, постоянного контакта между людьми, между различными мирами. «Неба и земли взаимопомощь» («Монолог», 1932) – так Светлов понимает жизнь, основанную на идеалах братства и солидарности.

Космос тоже представляется поэту наполненным самыми разными голосами и мелодиями, даже если их и услышать нельзя:

Музыкальными глазами

На меня смотрели звезды. («Звезды»)

Будто с самого детства впервые

Вижу я темно-синюю высь,

Где в обнимку летят позывные

И с романсами переплелись. («Голоса»)

Вспоминается цитированное выше стихотворение Александра Ясного, у которого звезды «звонят бубенцами лихо». Вселенная, которую представляют себе оба поэта-земляка из Екатеринослава (совр. Днепропетровска), отнюдь не молчалива, - она весьма оживлена. («Позывные летят, попискивая», - поет в 60-х годах в песне «Ночной дозор» их младший екатеринославский земляк, совсем, казалось бы, на них не похожий, - Александр Галич.)

Не только люди участвуют в этой полифонии, но и птицы (в «Песне летчицы») и звери:

И возможно, что за небосклоном

Он живет среди звездных миров –

Не записанный магнитофоном

Околевшего мамонта рев. («Голоса»)

Писатели и поэты нередко откликаются на научные открытия...

Радиоволны, способные донести информацию от одной звездной системы к другой, преодолевают путь между ними за долгие годы и даже столетия. Потенциальный трагизм этого факта поражал воображение многих писателей-фантастов. Но в стихотворении Светлова та же коллизия разворачивается совершенно в другой эмоциональной тональности. Обретение собственного голоса, который может веками путешествовать по Вселенной, оказывается одним из своеобразных путей к бессмертию:

Небо полнится голосами

Тех, кто жил и любил на Земле. (Там же)

Если сами люди умирают, то, может быть, остаются жить их мысли и чувства. Барьеры, поставленные человеку пространством и временем, в каком-то смысле оборачиваются своей противоположностью. Внутренний мир человека, - как он его выразил, - продолжает жить в другом пространстве – и в другом времени.

Панорама космоса, непрерывно полнящегося звуками, приводит на память античное представление о «музыке сфер». Однако Светлов, певец революционных преобразований, не ищет в окружающем мире «готовой» гармонии, - хотя и стремится к ней. Светловский космос к гармонии открыт – но в нем остается некая незавершенность, хотя бы в силу его постоянной подвижности:

Есть еще не узнанное небо,

Есть желание! И будь благословенна

Этой каждой дали перемена!.. («Горизонт», 1957)

Вселенная, наполненная голосами живущих и всех, кто когда-либо в ней жил... Такая картина мира, нарисованная поэтом, в чем-то напоминает религиозную, а в чем-то – материалистическую. Сам же Светлов в поздние свои годы, похоже, готов был лукаво

пошутить (или просто по-доброму улыбнуться?) как над традиционно-теологической трактовкой мироустройства, так и над казенным советским атеизмом:

Летит Гагарин. На него украдкой

Глядит скомпрометированный бог. («Звездная дорога», 1962)

Длинное и неудобопроизносимое слово *скомпрометированный* (из лексикона газет или партийных собраний?) абсолютно нелепо смотрится (и слышится) в контексте размышлений о величайших человеческих свершениях и о содержании человеческой веры. «Споткнувшийся» об это слово читатель сразу ощущает какую-то подчеркнутую несуразность сообщаемого. Но и слово *украдкой* (гораздо более короткое и незаметное) ничуть не меньше ломает здесь привычные представления. Таким образом, самые разные (даже противоположные) читательские ожидания оказываются обмануты. Зато остаются вопросы, - и, может быть, автор сознательно провоцирует нас на эти вопросы.

Сочетание некоторого скептицизма с открытостью в восприятии разных представлений о мире чувствуется и в других словах поэта:

Как спорят где-то в глубине

Язычник с физиком во мне! («Встреча», 1957)

Раннюю поэзию Светлова (20 – 30-х гг.) отличало порой мастерское владение словом. Он наполнил поэтический язык новыми – и часто неповторимыми – смыслами и сцеплениями смыслов. Оригинальная и яркая картина мира и в дальнейшем отличала светловские стихи. Но в поздний период творчества (50 – 60-е гг.) определяющей ее чертой стали не лексико-семантические новации, а углубленные философские размышления о смысле мироздания и о нравственном предназначении человека. Такая эволюция сказалась и на космической образности в стихотворениях Светлова. Например, слово *звезда* все чаще употребляется поэтом в узком и буквальном, «астрономическом» значении; символические оттенки смысла все больше отступают на второй план. Но именно этому своеобразному элементу реализма соответствовал более пылкий взгляд поэта, направленный в глубину космоса. Теперь образы неба не столько служат углубленному восприятию отдельных земных событий, сколько вызывают интерес поэта сами по себе, в своей «первозданности», - но, конечно, и как контекст жизни человечества, взятой «крупным планом».

Такое изменение масштаба в какой-то мере стало откликом и на новые вопросы, выдвигаемые эпохой. Звезды, казалось, действительно становились ближе к людям. Михаил Светлов, чья юность пришлась на гражданскую войну и разруху, дождался начала освоения космоса, которое, безусловно, не могло его не взволновать. И запуск первого искусственного спутника Земли (1957), и полет Юрия Гагарина (1961) наполняли поэта

гордостью за мощь советской науки, - и в то же время заставляли его вновь обращаться к образам русской поэзии:

Как хороша ты, звездная дорога!

Летит Гагарин. Он устал чуть-чуть,

И перед ним торжественно и строго

Блестит кремнистый лермонтовский путь. («Звездная дорога»)

Но в чем-то взгляд Светлова отличался от общепринятого. Пример тому – стихотворение «Собачка» (1957), появившееся как отклик на экспериментальные запуски космических кораблей с собаками на борту. В новом стихотворении можно встретить уже знакомый читателям прием сближения смыслов, группирующихся вокруг одного слова или слов, близких по основному значению (*собака – созвездье Гончих Псов; выть на луну – лететь к луне*). Но более всего обращает на себя внимание интонация поэта, которая вдруг становится все более щемяще-печальной:

В развернутые небосводы

Должна лететь не ты, а я!..

Она летит все выше, выше,

Сквозь космос и сквозь зодиак,

Ей кажется – она все слышит

Далекий лай земных собак.

Главное внимание поэта приковано не к самому факту запуска корабля (сопровождавшегося торжествующими официальными репликациями), а к ужасу одиночества, испытываемого собакой на борту:

Такое в жизни расставанье

И человек не испытал!

С точки зрения Светлова – не только революционного романтика, но и гуманиста, - никакой технический прогресс, никакое познание, никакие успехи науки не могут быть куплены ценой страдания ни в чем не повинного живого существа.

Александр Малиновский